

УДК 811.311

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ЛЕКСИКИ КОМИ ЯЗЫКА*

С. А. Мызников

Институт лингвистических исследований РАН

Предпринимается попытка этимологического анализа лексики коми языка, которая трактовалась ранее как прибалтийско-финская по происхождению. Особый акцент в работе делается на широкий охват материала, включая данные русских народных говоров. Отмечается, что простое выявление данных прибалтийско-финского происхождения в коми языковом континууме не всегда может свидетельствовать о прямых пермско-финских контактах. Крайне важен учет возможного иноязычного взаимодействия, даже если та или иная единица является автохтонной и исконной в каком-либо языковом континууме.

К л ю ч е в ы е с л о в а: этимология, пермские языки, прибалтийско-финский, севернорусские говоры.

S. A. Myznikov. SOME ASPECTS OF THE ETYMOLOGICAL ANALYSIS OF THE KOMI LANGUAGE LEXIS

The paper is an attempt at an etymological analysis of the Komi language lexis, which had previously been treated as Balto-Finnic by origin. Special emphasis in the work is placed on broad coverage of the material, including data of Russian national dialects. It is noted that simple detection of data of Balto-Finnic origin in the Komi language continuum does not always testify to direct Permian-Finnic contacts. Of utmost importance is consideration of possible foreign-language interaction, even if a unit is autochthonic and native to the language continuum.

Key words: etymology, Permian languages, Balto-Finnic, North Russian dialects.

* Статья является продолжением разработки автором данной проблемы: Финноугро-самодийские межъязыковые контакты и их отражение в лексической сфере на севернорусском фоне // Вопросы уралоистики 2009. Научный альманах. СПб.: Наука, 2009. С. 120–130; О коми влиянии на лексику севернорусских говоров // Лыткин: грани наследия: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 115-летию со дня рожд. выдающегося финно-угроведа Василия Ильича Лыткина (Сыктывкар, 25–26 нояб. 2010 г.). Сыктывкар, 2010. С. 197–200; О лексике коми происхождения в севернорусских говорах // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. 2010. СПб.: Наука, 2010. С. 297–302; О некоторых аспектах прибалтийско-финского и пермского языкового взаимодействия // Филологические исследования на рубеже XX–XXI веков: традиции, новации, итоги, перспективы. Сб. ст. по итогам Всерос. науч. конф. (19–21 окт. 2011 г., Сыктывкар). Сыктывкар, 2012. С. 125–129; Прибалтийско-финская и пермская контактные субстратные зоны проблемы выявления и разграничения // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 8–10 сент. 2012). В 2-х ч. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. Ч. 1. С. 203–205; О некоторых данных пермского и прибалтийско-финского происхождения на автохтонной территории и в русских говорах позднего образования // Язык – духовное наследие народа: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Красноярск, 27–28 нояб. 2012 г.). Красноярск, 2013. С. 183–190; Полевые исследования для ЛАРНГ и некоторые проблемы пермско-русского взаимодействия на территории Удмуртии // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. 2013. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 412–424.

Коми язык в ходе своей истории вступал в контакты с иранскими, тюркскими, прибалтийско-финскими языками [Uotila, 1936. С. 199–207; Лыткин, 1956. С. 173–189], саамским языком [Туркин, 1985. С. 54–67], а взаимодействие с русским (древнерусским) языковым континуумом насчитывает многие сотни лет.

Следует отметить, что хотя коми язык представлен как совокупность трех наречий: коми-зырянского, коми-пермяцкого и коми-язьвинского¹, а также говоров переселенческих групп: ижемцев, кольских коми, алтайских коми, зауральских коми, при наличии этноконтактной межэтнической группы колвинцев (результата ассимиляции ижемцами оседлого ненецкого населения), этноязыковой ландшафт вряд ли имел такую же дифференциацию в прошлом, тем более если речь идет о контактах с немногочисленным прибалтийско-финским континуумом. Хотя, например, в отношении заимствованных коми таких данных в русских старожильческих говорах Северного и Среднего Урала, исходя из формы, семантики и ареала для ряда слов, А. К. Матвееву удается определить коми-язьвинский и коми-пермяцкий тип этимонов [Матвеев, 1964. С. 310].

Имеются различные мнения в отношении источников прибалтийско-финских данных в коми языке. Даже для лексики удорского диалекта, где более всего представлен исследуемый заимствованный пласт апеллятивной лексики, указываются различные источники [Hausenberg, 1985]. При этом данные топонимии свидетельствуют о несомненном присутствии прибалтийских финнов в бассейнах Лузы, Вычегды, Выми и Мезени, причем больше всего прибалтийско-финских топонимов обнаружено в низовьях Вычегды и в бассейне Лузы [Туркин, 1985. С. 17].

При этимологическом анализе любого языкового материала нередко основными становятся следующие аспекты общего плана:

А) Выявление разновременных лексических пластов.

Б) Дифференциации исконных и заимствованных единиц.

В) Учет возможностей гетерогенных сходений.

Г) Кроме того, вряд ли можно исследовать, например, результаты контактов прибалтийских финнов с пермским языковым континуумом без учета целостной этноязыковой карти-

ны зоны взаимодействия. Также для нас крайне важным фактором выступает методическая база анализа материала, основанная на ареальном аспекте, совмещенном с вниманием к тематическим группировкам лексики.

Этимологические исследования исконной и заимствованной лексики, на наш взгляд, имеют кардинальные различия. Для исконных данных будут первоочередными следующие параметры анализа: а) включение слова в корневое гнездо; б) нахождение мотивации; в) словообразование; г) включение найденного гнезда в контекст родственных языков.

Хотя уже отмечалось, что «наиболее последовательно изучена контактная лексика поздних коми-карело-вепсских связей, однако прибалтийско-финские и пермские контакты не исчерпываются этими взаимоотношениями. Данные археологии и топонимики, свидетельствующие о сложных процессах этно- и лингвогенеза финно-угров на северных территориях, позволяют предполагать более древние и существенные результаты языкового взаимодействия, нежели простые заимствования, поддающиеся этимологизации средствами современных языков» [Федюнева, 2008. С. 172].

Однако простое выявление данных прибалтийско-финского происхождения в коми языковом континууме не всегда может свидетельствовать о прямых пермско-финских контактах.

Остановимся на анализе некоторых данных, которые ранее уже рассматривались как прибалтийско-финские заимствования в коми языке. Значительная их часть является на прибалтийско-финской почве неисконными единицами, причем сходная лексика функционирует в смежных русских говорах. Из 23 этимологических гнезд прибалтийско-финского происхождения в коми языке только некоторые не имеют диалектных русских соответствий. Так, например, коми ниж.-вычегод., удор. *сабри* 'стог сена' [Лыткин, 1956. С. 186] имеет сходные данные на прибалтийско-финской почве, ср.: кар. *heinäsuabra*, *hein'äšaabra*, *hein'äšoabra*, *heinäšuabra* 'стог сена' [ССКГК, 88], фин. *saura* 'кладка сена с двумя или более стожарами', люд. *suabr*, *soabr*, 'стог сена, стожар' [SKES, 983], вепс. *sabr* 'зарод, стог' [СВЯ, 492]. Но даже для этих коми данных в SKES отмечается, что «возможно, через русское посредство, хотя в русских говорах это слово неизвестно; прибалтийско-финское слово распространилось до диалектов коми языка: *sabri* 'стог сена', а оттуда далее до мансийского языка: манс. *säpri* 'то же'» [SKES, 983].

¹ Традиционно коми-язьвинцев, наряду с иньвенскими, косинско-камскими коми-пермяками и зюэдинцами, относят к коми-пермяцкой группе [Цыпанов, 1992. С. 8; Народы Поволжья и Приуралья, С. 31].

Действительно, в коми языке отмечается лексика, соответствия для которой бытуют преимущественно на прибалтийско-финской почве, например: коми *агас* 'борона', при люд. *ägez*, вепс. *ägez*, водск. *äez'*, эст. *äke*, при их балтийской основе, литов. *ekečios*, 'борона', др.-прусск. *aketes* 'борона' [SKES, 1867].

Коми *акка* 'диал. крестная мать' [Безносилова и др., 2000. С. 22], при кар. *акка* 'старая женщина, жена', вепс. *ак* 'жена, женщина' [Лыткин, Гуляев, 1999 (далее – КЭСКЯ). С. 31–32].

Коми удар. *бель* 'косяк' [ССКЗД, 173], *bel'* 'дверной или оконный косяк' [SWS, 1], является неисконным, представляя собой древнее вепсское заимствование [КЭСКЯ, 38], ср. вепс. совр. *peí* 'притолока, косяк (дверной, оконный)' [СВЯ, 407]. Причем в литературном коми языке функционирует в этом же значении лексема русского происхождения: коми *куруч* 'косяк', *ödzöc курич* 'дверной косяк' [КПК, 318], ср. русск. *курчина* 'воронец' [КЭСКЯ, 147]. См. также: МСФУСЗ, 1, 34. У. Wichmann, сопоставляя фин. *pieli* с саам. норв. *bællij*, морд. мокш. *räl* 'клещи' и с данными удорского диалекта коми языка, рассматривает эту единицу как технический термин [Wichmann, 1903. С. 99]. Обширные русские диалектные данные следует рассматривать как результат уже коми воздействия: *бель* 'оконный, дверной косяк': – *В черных избах белей не вставляют, окошки прямо к стенам прибивают.* Пинеж. (Нюхча, Веркола, Сульца, Кеврола) [Словарная картотека...]. Арх. Арх., 1920 [СРНГ, 2, 236]. *Бель* 'одна из боковых подушек оконного или дверного проема, косяк' Лешук., Пинеж. Мез. [АОС, 1, 15]. *Бе'лье* 'то же' Мезен. [АОС, 1, 15]. *Бель* 'косяк, боковина оконного или дверного проема' Лешукон. (Кеслома, Палуга), Пинеж. [СГРС].

Кроме того, особняком в коми языке стоит удорский диалект, в котором представлено больше, чем в других диалектах, лексики, для которой имеется возможность сопоставления с прибалтийско-финскими источниками. Приведем некоторые примеры:

Коми удар. *маръя тусь* 'поленика', при кар. *marja* 'ягода' [КЭСКЯ, 170].

Коми лет. *касьмар* 'костяника' (дословно – кошачья ягода). В вепсском языке имеется семантически сходное наименование, но для другой ягоды, вепс. *kažibol* 'волчья ягода' (дословно – кошачья ягода) [СВЯ, 186], при коми литературном. *вотöс* 'ягоды', с другой мотивацией – *вотны* 'собирать, собрать, набрать; рвать' [Безносилова и др., 2000. С. 112].

Коми удар. *кас'* 'кошка', при вепс. *kaži* 'кошка' [СВЯ, 186].

Коми удар. *вöй* 'шнур, нить', при вепс. *vö* 'пояс, кушак, ремень' [СВЯ, 648], хотя в данном случае имеется возможность рассматривать коми единицу как фонетический вариант к коми *вöнь* 'пояс, поясок' [Безносилова и др., 2000. С. 117].

Коми удар. *вирб* 'дратва', при вепс. *birb*, *virb* 'то же' [КЭСКЯ, 57].

Коми удар. *карандыс* 'ушат', при вепс. *kerandez* 'ушат' [СВЯ, 194; КЭСКЯ, 117].

Коми удар. *катша* 'сорока', при вепс. *kačatada* 'стрекотать (о сороке)' [СВЯ, 164]. Хотя ср. удм. *кочо* 'сорока', которое рассматривается в общепермском контексте [КЭСКЯ, 118].

Коми удар. *гымай* 'гром, гроза' рассматривается как звукоподражательное слово [КЭСКЯ, 84], ср., однако, вепс. *g'utau*, *g'utou* 'бог; гром, гроза' [ПЛГО], причем имеется регулярное соответствие коми «ы» прибалтийско-финскому «u».

Коми удар. *джийан* 'синица', при кар. *t'ijan* *i*, *t'ian'e*, *t'ijan'e* 'синица' [ССКГК, 621].

Анализ коми данных с привлечением материалов прибалтийско-финских языков и севернорусских говоров показывает весьма сложную картину взаимодействия различных языковых континуумов: пермского, прибалтийско-финского и русского, причем имеется возможность различных подходов к выдвиганию этимологических версий.

Когда лексическая единица коми языка фиксируется в каком-либо одном диалекте, не всегда продуктивно рассматривать ее только на финно-угорском фоне. Крайне важен учет возможного иноязычного взаимодействия, даже если та или иная единица является автохтонной и исконной в каком-либо языковом континууме.

Например, коми-зыр. *ляпа* 'подлещик' [ССКЗД, 213], которое авторами КЭСКЯ сопоставляется с удм. *ляпа* 'сом', далее общеперм. * *l'ара* 'вид какой-то рыбы' [КЭСКЯ, 166], ср. также *ляпа* 'лещ-молодь (не включая мальков)', 'подлещик' [Безносилова и др., 2000. С. 375], рассматривается в контексте других финно-угорских данных: И. Шебештьен сравнивает с мар. *ловал*, *лавал* 'лещ', эст. *labakas*, саам. норв. *laepadak* [Sebestyen, 1943. S. 54]. Причем имеется вепс. *lipak* 'подлещик' [СВЯ, 292], которое фонетически и семантически весьма близко к коми данным. Однако известны сходные данные на русской почве, которые не рассматривались ранее в финно-угорском контексте. О. В. Востриков, отмечая варианты *ляпо'к*, *лепа'к* в Белозерье, утверждает, что в Костромской области эти слова знают только галичские рыболовы (по нашим более поздним данным – гораздо шире), и связывает их с коми-зырян-

ским влиянием [Востриков, 1981. С. 30]. Кроме того, отмечаются обширные русские диалектные данные. *Ля'па* 'мелкая рыба, обитающая в небольших водоемах' Ильин., Карагайск. Перм. [Кривошекова-Гантман, 1981. С. 52]. *Ляпо'к* 'мелкий лещ, подлещик' Белоз., Вашк., Кирилл. [СРГК, 3, 181]. *Ляпо'к* 'рыба *Abramis brama* L., лещ' Белозер. Волог., 1970 [СРНГ, 17, 280]. 'Рыба *Blicca bjoerkna*; густера' Белозер. Новг., 1970 [СРНГ, 17, 280]. *Ляпа'шка* 'мелкая рыба, сходная с лещом, подлещик' Пудож. [СРГК, 3, 180]. *Лепак* 'небольшой лещ' Галич. Костром. Коми данные, рассматриваемые в данном контексте, явно связаны с русскими диалектными материалами. Этимология этого гнезда на финно-угорской почве требует уточнения и дальнейшего исследования, но вполне вероятно, что данный материал также связан с русскими источниками: *кляпу'шка* 'мелкий лещ' Волх. (Вороново) [ПЛГО]; *кляпу'ха* 'рыба лещ' Р. Волхов, 'мелкий лещ (до 800 граммов)' Волхов и Ильмень; *кляпу'хи* 'лещи' Новг. [СРНГ, 13, 333]; *кляпу'шина* 'мелкая рыбешка, мелкий лещ' Волхов и Ильмень [СРНГ, 13, 333]; *кляпу'шко* 'мелкий лещ' Волх. (Вороново) [ПЛГО]. Ср. также др.-русс. *кляпец* 'рыба семейства лещей' Кн. прих.-расх. Тихв. м., 1592 г. [СлРЯ XI–XVII вв., 7, 190]; *кляпуха* 'рыба семейства лещей' Там. кн. Тихв. м., 1626 г. [СлРЯ XI–XVII вв., 7, 190]; *кляпушка* 'то же' Там. кн. Тихв. м., 1635 г. [СлРЯ XI–XVII вв., 7, 190]. Ср. также др.-русс. *кляц* 'рыба' 1672 г. [СлРЯ XI–XVII вв., 7, 169], при русск. *лещ* 'рыба'.

Еще один пример русского посредства: коми ижем. *сџпеч* 'руль, кормило (у лодки)' [ССКЗД, 345], при эст. *saps*, род. п. *sapsu* 'то же', ливск. *sapps* 'то же', фин. *sapsa*, *sapso* 'нос судна' [Kalima, 1915. С. 219], не является прямым заимствованием из прибалтийско-финских источников, а вошло через русское посредство, причем слово вошло в русский язык еще в XVI веке, с несколькими фиксациями в XVII в.: *сопец* 'руль на небольшом судне, кормило' – XVI в., 1620 г., 1621 г., 1645 г. [СлРЯ XI–XVII вв., 26, 156]. Ср. также диалектные данные: *сопе'ц* 'навесной руль на корме лодки' (в простонародье [Бурнашев], стар. [Слов. Акад. 1847]). Пск., 1902–1914. Эст. ССР, Волог., Печор., Арх., Енис., Краснояр., Сиб. 'Рукоятка руля (у лодки, судна)' Пск. Пск., 1850. 'Подводная часть руля (у лодки, судна)' Пск. Пск., 1850 [СРНГ, 39, 331, 332]. *Сопе'ц* 'руль на судне' Мезен. [Подвысоцкий, 1885. С. 161], Сиб. [Даль], *сопе'ц* 'руль лодки, плота' Печор. [СРНП, 2, 293]. Причем и саамская единица рассматривается как заимствование, опосредованное русским воздействием: саам. кильд. *suopts* 'кормовое весло' – из русского [Itkonen, 1932. С. 64].

Аналогично коми удар. *люська* 'ложка', ранее рассматриваемое как вепсское заимствование [КЭСКЯ, 415], имеет значительные сходные русские диалектные данные: *лу'зка* 'ложка' Пошех.-Волог., Ярослав., 1929 [СРНГ, 17, 185]. *Лу'зик* 'ложка' Волх. *Лузиком у нас суп хлебают*. Тихв. [СРГК, 3, 156]. *Ло'зик* 'ложка': – *Лозиками вепсы ели*. Лодейноп. [СРГК, 3, 156]. *Лу'зик* 'ложка' Тихв. Новг., 1852. Новг., Волог., Ярослав., Моск., Калуж. (с примеч. «В условном языке портных»), Самар., Второе Доп. (с примеч. «у переселенцев из Пермской губ.»), 1905–1921. 'Большая ложка' Ростов., Ярослав., 1902. [СРНГ, 17, 185]. «Большая ложка с толстым черенком; поварешка» Брейтов., Рыб., Ростов. [ЯОС]. *Лузи'к* 'ложка' Кашин. Твер. (с примеч. «язык мелочных торговцев») [КСРНГ]. Причем на прибалтийско-финской почве является обратным русским заимствованием, ср. вепс. *luzik*, кар. *lužikka*, ливв. *luzikku*, люд. *lužik*, эст. *lusik* 'ложка' из др.-русс. лъжька [SKES, 314].

Еще одна единица коми языка, коми нут: *нута нут* 'полный невод, невод с рыбой' (по реке Мезени), рассматривается как вепсско-карельское заимствование [Лыткин, 1956. С. 185]. Имеются также сходные севернорусские данные: *Нот* «горизонтально располагаемая сеть для лова сельдей и сайды, сажень до 17 длиной с большим посадом на окаймляющих ее подборах и с грузиками, – так, что образует собой мешок. Сеть эту дубят два или три раза в лето для того, чтобы по своему темному цвету была менее заметна в воде» Онеж., Кем., Кольск. [Подвысоцкий, 1885. С. 126]. 'Большая сеть для ловли сельди и сайды в виде квадратного сетяного мешка с грузилами' Беломор., Север. [СРНГ, 21, 295]. *Но'та* 'невод' Лодейноп. [КСРГК]. *Нот* «сеть для ловли сельди и сайды, располагаемая горизонтально, метров до 35 длины, с большим посадом на окаймляющих ее подборах и с грузилами, так что она образует собою мешок. Сеть эта бывает окрашенной в темно-коричневый цвет для того, чтобы она менее была заметна в воде» [Дуров, 2011. С. 255]. А. Подвысоцкий к слову «нот» дает помету – норвежское [Подвысоцкий, 1885. С. 126]. Однако из скандинавских языков слово вошло в прибалтийско-финские, ср. фин. *nuotta*, ливв. *nuottu*, люд. *nuot*, *nuotta*, вепс. *not*, водск. *nōtta*, *not*, эст. *noot* 'невод', при саам. норв. *nuotte*, саам. инар. *nyetti*, кильд. *nūht*, саам. терск. *nihte* 'невод' [SKES, 402]. На германской почве, норв. *not* 'большая сеть, невод', швед. *not*, др.-норв. *nōt* связано с англ. *net*, голланд. *net*, швед. *nät*, норв. *net* 'сеть' [EONDS, 555, 549]. В. И. Лыткин предполагал, что вепс. *not* было заимствовано в др.-удар. **nōt* > совр. удар.

нут [Лыткин, 1956. С. 185]. Однако при наличии севернорусских сходных данных такого рода изменения могли происходить и на базе русского заимствования.

Коми удар. *кава* 'колышек, тычок, забитый в землю; кол или бревно для привязи лодки, плота', при вепс. *kavi, kava* 'кол; колышек для вешанья одежды' [СВЯ, 189]. Однако в данном случае наличие обширных русских материалов предполагает их первичность как источника для единицы коми языка. *Ка'ва* 'кол, колышек' Кондоп. (Таржеполь), Онеж., Подпорож. (Шеменичи) [ПЛГО]. Новг. [Даль], Волхов и Ильмень, Олон. [СРНГ, 12, 288]; 'Кол, короткое бревно, вбитое в землю на берегу реки или озера для причаливания лодок, судов, плотов' Новг., 1877. Пск., Север, Ленингр., Олон., Онеж. КАССР, Волог., на Мариинской системе, Костром., Волж., Яросл. Яросл. [СРНГ, 12, 288]; 'Кол, жердь или бревно, вбитые в землю' Подпорож., Онеж. [СРГК, 2, 308]; 'Кол, служащий границей участка' Подпорож., Кирилл. [СРГК, 2, 308]; 'Детская игра' Вытегор. [СРГК, 2, 308]. 'Кол, вбиваемый в землю на берегу реки для причаливания лодок, плотов' Тутаев. Яросл. [ЯОС]; 'Шест для рыболовной снасти' Лодейноп. (Печеницы), Подпорож. (Важины) [ПЛГО]; 'Подпорка для изгороди' Подпорож. (Согиницы) [КСРГК]; 'Свая' Кирил. Новг., 1903 [СРНГ, 12, 288]; 'Столб для привязывания лошадей' Олон. [Куликовский, 1898]. Онеж. КАССР [СРНГ, 12, 288]; 'Колышек, знак межи' Кирил. [КСРГК]; 'Кол, служивший отметкой подушных участков поля или луга' Онеж. Арх., 1911. Онеж. КАССР [СРНГ, 12, 288]; 'Столбик на тротуаре' Новг. [СРНГ, 12, 288]; 'Прозвище' Черепов. Новг. [Герасимов, 1910]. *Ка'ва* 'столбик в реке, предназначенный для настила досок' Новг., Парфин. [НОС, 4, 3]; 'Столб для укрепления берега реки' Новг., Маловиш. [НОС, 4, 3]; 'Врытые в землю 3–4 столбика на берегу реки для причаливания лодок, плотов' Новг. [НОС, 4, 4]; 'Бревно, забитое в дно реки (при лесосплаве)' Чудов. [НОС, 4, 4]; 'Деревянная подставка со стержнем, на которую наматывается что-л.' Полав. [НОС, 4, 4].

Коми удар. *с'ийма* 'леса, леска', под вопросом возводилось к прибалтийско-финским источникам, фин. *siima* 'леса, леска' [КЭСЛЯ, 255]. Ср., однако, русские диалектные данные: *си'ма* 'тонкая веревочка, тетива в рыболовной снасти' Сольвыч. (Качем) Волог., 1912. «Тонкая веревочка, леска, с помощью которой горло мережи привязывается к обручу» Беломор. (Шижня) [КСРНГ]. «Шнур донного перемета» Заонежье [Логинов, 1993. С. 47]. 'Центральная леска, веревка перемета' Вытегор. [КСРГК]. «Тонкая ве-

ревка, употребляемая в рыболовных снарядах» Р. Кама [Бурнашев]. 'Рыболовная снасть' Вытегор. [КСРГК], Олон. [Опыт..., 1852]. «Длинная бечевка, веревка, привязываемая к колоколу» Повен. [Куликовский, 1898]. Погодин и Калима рассматривают русские данные как заимствование из кар. *šiiima*, ливв. *siima*, при фин. *siima* 'бечевка, силот' [Погодин, 1904. С. 59; Kalima, 1915. С. 218]. Прибалтийско-финские данные восходят к скандинавским материалам, ср. др.-сканд. *sími* 'веревка' [Фасмер, 3, 622]. Авторы SSAP также исходят из прибалтийско-финской природы русских лексем [SSAP, 3, 176]. Таким образом, более вероятно не прямое заимствование прибалтийско-финских данных, а через русское посредство.

Коми удар. *варда* 'рама, решетка бороны', коми диал. 'решетка бороны (в которую заклинены зубья)' можно сопоставить с вепс. *varz'* 'рукоятка, черенок' [СВЯ, 615]. Но и в данном случае имеется весьма обширный сопоставимый русский диалектный материал. Ср.: *ва'рда* «дранка, прут, вица, используемые при плетении чего-либо (корзин, ловушек на рыбу и др.)» отмечается в Верхнетоемском, Лешуконском, Мезенском, Пинежском районах [МСФУСЗ, 58]. По мнению авторов МСФУСЗ, восходит к прибалтийско-финским источникам, ср. фин. *varras* 'жердь, колышек, палочка' [SKES, 1658]. Причем в смежном ареале в печорских говорах фиксируется лексема *ва'рды* 'постельник на санях': – *У ежжалых санок по четыре копыла, снизу полосья, а сверху варды, груз кладут в варды.* Печор. [СРГНП, 1, 54]. Эту единицу можно уже возвести к коми *варда* 'решетка бороны (в которую заклинены зубья)' [ССКЗД, 38].

Еще один пример опосредованного русского воздействия. Данные коми языка, ср. коми летск. *шалка* 'ранец, сумка из бересты; берестяная котомка', имеют соответствия на прибалтийско-финской почве: кар. твер. *šalku, šalkun'e* 'мешок, котомка' [СКЯП, 263], ливв. *šalgu* 'котомка, сума, мешок' [СКЯМ, 360], вепс. *šauguin'e* 'котомка, мешок' [СВЯ, 543], люд. *šalg, šalgu, šaug* 'полотняный заплечный мешок', 'мошонка' [SKES, 955]. Авторы SYRW предполагают карельский источник для коми слова, кар. *šalka* 'сумка с продовольствием' [Wichman, Uotila, 1942. P. 256]. Слово из прибалтийско-финского континуума вошло в русские говоры и получило в них широкое распространение вплоть до Тамбова. В русских говорах представлено значительное число дериватов, что свидетельствует о давнем заимствовании: *шалгун* 'мешок' Демян. Окулов. [НОС], 'небольшой заплечный мешок' Солец., Валд., Волот., Крестец., Любыт., Маловишер., Новг.,

Полав., Опечен., Пестов., Старорусск., Тихв., Уторг., Холм., Чудов. [НОС]. 'Неполный мешок' Опечен., Парфин., Волот., Маловишер., Солец., Старорусск. [НОС]. 'Котомка, узел' Подпорож. [КСРГК]; *шалгуни'шко* 'небольшой мешочек' Солец. [НОС]; *шалгуно'к* 'небольшой мешок' Крестец., Маловишер., Демян., Марев., Новг., Пестов., Поддор., Тихв., Хвойнин. [НОС]; *шалгу'ха* 'неполный мешок' Опечен. [НОС]; *шалгу'шечка* 'мешочек для крупы и т. п.' Демян. [НОС]; *шалгу'шка* 'небольшой мешок' Демян., Окулов. [НОС]; *шалгушо'к* 'мешочек' Молвот. [НОС]; *шалга'ч* 'мешок' Пудож. (Песчаное) [ПЛГО]; *шалга'ч* 'мешок для дорожной поклажи' Мезен. Арх. [Опыт..., 1852]; *шалгун* 'то же' Арх., Тихв. Новг., Великолукск. Пск. [Там же]; *шалгуно'к* 'то же' Тамб. [Там же]; *шалга'ч* 'заплечный мешок' Пинеж. (Марьяна гора, Валдокурье) [Словарная картотека...]. *Шалга'ч*, *шалгу'н* 'две соединенные парюю помочей и перекидываемые через плечо суконные или холщовые сумки, в которых лесовщики, отправляясь на промысел, держат съестные припасы' Пинеж. (Мезен.) [Подвысоцкий, 1885, С. 84]. *Шалга'ч* 'небольшой мешок с ляжками для ношения за плечами' Тотем., Устюж. Волог., 1911 [Тр. МДК, 11]. *Шолга'ч* 'заплечный мешок' Пинеж. (Оксовица, Кушкопала, Кучкас, Кузомень, Карпогоры) [Словарная картотека...]. 'Узел, мешок' Медвежьегор. (Курченицы), Онеж. (Хачела) [КСРНГ]. *Шолгу'н* 'мешок' Черепов. (Воскресенское) [ПЛГО]. На русской почве, вероятно, можно говорить о доминировании варианта с суффиксом [-ун], что соответствует типу основы на [-и]. Вероятно, эта же единица отмечается в украинском языке: *шолга* – в Малороссии так называют мешок с разными припасами» [Бурнашев]; ср. также укр. *шолгу'н* 'сапожный инструмент' [Гринченко, IV, 161]; причем авторы ЭСУМ трактуют его как слово неясного происхождения [ЭСУМ, 6, 452]. В SKES, при анализе фин. *salkku*, отмечается, что для коми лет. *šalka* 'берестяной короб' возможен и русский источник [SKES, 955]. Таким образом, весьма затруднительно однозначно говорить о заимствовании коми *шалка* 'сумка из бересты' из карельско-вепсских источников при широком распространении сходных данных на восточнославянской почве.

В ряде случаев коми данные подвергаются контаминационному воздействию как прибалтийско-финских, так и русских диалектных источников. Ср. коми, коми-перм. *бака* 'трутовый гриб', коми среднесысол. *бакула*, верхневычегод. *бака* 'трутовик, березовая губка' [ССКЗД, 272], при наличии коми *пакула* 'то же' можно сопоставить с прибалтийско-финскими источ-

никами, ср. кар., фин. *pakkula*, при саам. норв. *bak'ke* 'бугор, нарост, вырост' [Itkonen, 1958]. Хотя ср. коми *бакатшак* в этом же значении [ССКЗД, 16]. Авторы SKES справедливо полагают, что коми *пакула* – результат посредства русского языка, тогда как в КЭСЯ предполагается, что «коми *пакула*, встречающееся только в северо-западных диалектах, могло попасть в коми язык непосредственно из карельского языка еще тогда, когда карелы были соседями народа коми» [КЭСЯ, 38].

В ряде случаев можно предложить некоторые новые примеры этимологического прочтения коми лексики. При этом такого рода данные еще требуют углубленного изучения при более расширенном репертуаре рассматриваемых единиц.

Например, коми *нарт* 'безжалостный, доводящий до изнурения', 'упрямый, своенравный, непослушный' и производные: *нартитны* 'изнурять тяжелой работой', *нартитом* 'угнетение', сопоставляется с фин. *närkäs* 'нетерпеливый, вспыльчивый' [КЭСЯ, 186]. Однако имеются сходные русские диалектные данные, ср.: *нарт* 'о дерзком, упрямом, нахальном человеке' Смол. *На'ртиться* 'упрямиться' Смол. *На'ртом* 'нахально' Смол. [СРНГ, 20, 134], *на'ртный* 'упрямый' Вязьм. Смол. [ПЛГО]. Эти материалы связаны с белорусским *нарт* 'человек, который хочет все делать по-своему' [ЭСБМ, 7, 245]. Причем восточнославянские данные рассматриваются как результат балтийского воздействия: литов. *nartūs* 'норовистый' [Лаучюте, 1982. С. 56]. Вряд ли в данном случае можно вести речь о случайном совпадении формы и семантики. Однако каким образом слово из западной диалектной зоны мигрировало в восточном направлении, не вполне ясно.

Имеются случаи распространения лексических данных как в коми, так и еще в ряде языков, что весьма затрудняет выявление конечного источника слова. Так, например, коми *кельчи* 'плотва, сорога' [ССКЗД, 152] А. С. Герд сопоставляет с обширными данными, ср.: коми *кельты* 'сибирская плотва', *кельчи* 'то же', хант. *кельчи* 'сибирская плотва'. По его мнению, сюда же относятся русск. белозер. *келш*, *кельш*, *кельш* 'берш *Lucioperca volgensis*', исторически отражающие название рыбы, широко распространенное в североевропейских дославянских диалектах [Герд, 1970, 113]. Авторы КЭСЯ полагают, что хантыйские данные имеют коми происхождение, ср. хант. *kōlan'z'ī* 'вид рыбы'; причем непонятно место мар. *кыльчак* 'чехонь', татар. тобол. *kälčäk* 'то же' [КЭСЯ, 121]. На наш взгляд, сюда относится наименование вида сига – *киле'ц* 'сиг со вздернутой передней частью

головы', распространенном на Онежском озере, что дает возможность сопоставления с вепс. *kil'čnena* 'курносый' [СВЯ, 263].

Авторы КЭСКЯ, анализируя слова коми ижем. *авлык* 'морянка (полярная утка)', коми удор. *аклы, аклык*, утверждают, что «фонетическое тождество и семантическая близость слов свидетельствуют о заимствовании этого коми слова, встречающегося только в северо-западных диалектах, из прибалтийско-финских языков» [КЭСКЯ, 28]. Для последних высказывалась также гипотеза о шведском происхождении, ср. швед. *alla, alle* [Wichmann, 1920. С. 401; Lidén, 1911. С. 31]. Утка-морянка имеет сходное наименование на всем Севере Евразии, ср., например: русск. диал. *алле'йка, але'йка* 'местное название породы уток *Anas rutila*': «Устраивает себе гнездо, несет яйца (по словам местных жителей, четыре раза в лето) и высидывает их в дуплах прибрежных деревьев, откуда переносит их в клюве на озеро или реку. Крестьяне пользуются способностью аллейки часто нестись: развешивают в длинных шестах по деревьям ящики или корзины, в которых недогадливая птица устраивает гнезда, и в продолжении лета выбирают оттуда яйца» Кольск., Кем. [Подвысоцкий, 1885. С. 1]. Я. Калима возводит данный материал к карельским диалектам, кар. *alli*, ливв. *al'i*, люд. *al'i* 'утка-морянка' [Kalima, 1915. С. 78]. KKS фиксирует слово *al'i* 'птица *Harelda hiemalis*' у беломорских карелов и ливвиков: – *All'in tunttee äänestä, sillä se huutelee omaa nimeään* (алли-утку узнают по крику, голосу, она выкрикивает свое имя) [KKS, 1, 43]. Как видно из иллюстрации, слово принадлежит к ономатопоэтической лексике, ср. также коми удор. *alli* 'водо-плавающая птица из сем. нырков, кричит: а-а-алли' [Wichman, Uotila, 1942. Р. 3], что затрудняет уточнение конечного источника. Я. Калима также указывает на возможность сопоставления с *аулы'к, ауляк* 'птица *Anas himmalis* сем. утиных; савка, морянка' Камч. [Даль; СРНГ, 1, 293] (ср. коряк. *aalyk*, SKES) и с саам. кольск. *allokaj* 'утка-морянка' [Kalima, 1915. С. 78]. Итконен допускает вероятность саамского источника саам. йокан. *алл'оке* [Itkonen, 1932. С. 62]. Авторы SKES отмечают сходство восприятия криков птицы в разных языках: фин. *ala-ala-allala-ala*, швед. *a-a-l*, при сходном наименовании в хант. *äläi* 'вид утки', т. е. остается вероятность автохтонного образования данных единиц вследствие универсальности звукового восприятия. В SSAP отмечается, что на ономатопоэтической основе возможно существование подобных наименований птиц, ср. эскимос. *agleck* [SSAP, 1, 70].

В настоящее время выход в свет различных словарей финно-угорских, славянских, тюркских языков позволяет проводить детальный этимологический анализ уже известного репертуара лексики. Так и коми данные в ряде случаев могут наполняться сопоставлениями на финно-угорской, славянской и т. п. основах. Причем полный анализ имеющихся в распоряжении лексических данных, при учете результатов языковых контактов, позволит более корректно выдвигать этимологические версии и их верифицировать.

Источники и литература

- Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Новосибирск, 1997. 774 с.
- Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецовоной. Вып. 1–14. М., 1980–2012 (в тексте – АОС).
- Баталова Р. М. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам. М., 1982.
- Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И. Коми-роч кывчукор. Сыктывкар, 2000. 814 с.
- Бурнашев В. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного. Т. 1–2. СПб., 1843–1844.
- Беляева О. П. Словарь Соликамского района Пермской области. Пермь, 1973. 706 с.
- Востриков О. В. Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья // Этимологические исследования. Свердловск, 1981. С. 3–45.
- Герасимов М. К. Словарь уездного Череповецкого говора // Сб. ОРЯС. 1910. Т. 87. № 3. С. 1–111.
- Герд А. С. Из истории печорских названий рыб // Севернорусские говоры. Вып. 1. Л., 1970. С. 108–117.
- Дополнение к Краткому этимологическому словарю коми языка. В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев // Коми филология. Труды института языка, литературы и истории, № 18. Сыктывкар, 1975. С. 3–37.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Второе издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. М.; СПб., 1880–1882. Т. 1–4.
- Дубровина З. М., Лудыкова В. М. Некоторые черты исконного родства в синтаксисе прибалтийско-финских и пермских языков (м-овый инфинитив) // Материалы VI Междунар. конгресса финно-угроведов. Т. 2. М., 1990.
- Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2011. 453 с.
- Жижева В. Е. Освоение прибалтийско-финских заимствований коми языком. История изучения вопроса // Бубриховские чтения. Проблемы прибалтийско-финской филологии и культуры: сб. науч. ст. Петрозаводск: ПетрГУ, 2002. С. 218–233.

- Игушев Е. А.* К вопросу о карело-вепском элементе в коми языке // Вопросы финно-угроведения. 1. Языкознание. (Тезисы докладов на XVI Всесоюзной конференции финно-угроведов). Сыктывкар, 1979. С. 115.
- Игушев Е. А.* Вепский элемент в коми языке // Congr. Quintus Intern. Fenno-Ugristarum, Turku 20–27 aug. 1980. Turku, 1981. Pt. 7. P. 192–197.
- Картотека «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей»* (в тексте – КСРГК).
- Картотека «Словаря русских народных говоров»* (в тексте – КСРНГ).
- Кожеватова О. А.* Пути образования общего регионального лексического фонда на Европейском Севере России // Ономастика и диалектная лексика. Екатеринбург, 1996. С. 3–12.
- Козягина Л. П.* Лексический атлас Архангельской области. Архангельск, 1994. 235 с.
- Кривошекова-Гантман А. С.* Коми-пермяцкие заимствования в русских говорах Верхнего Прикамья // Этимологические исследования. Свердловск, 1981. С. 46–62.
- Куликовский Г. И.* Словарь областного олонечко-го наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.
- Лаучюте Ю. А.* Словарь балтизмов в русском языке. Л., 1982. 211 с.
- Логинов К. М.* Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья. СПб.: Наука, 1993. 150 с.
- Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999 (в тексте – КЭСКЯ).
- Лыткин В. И.* Историческая морфология коми языка. Пермь; Сыктывкар, 1995.
- Лыткин В. И.* Коми-язьвинский диалект. М., 1961.
- Лыткин В. И.* Вепско-карельские заимствования в коми-зырянских диалектах // Сб. академику В. В. Виноградову. М., 1956. С. 173–189.
- Матвеев А. К.* Заимствования из пермских языков в русских говорах Северного и Среднего Урала // Acta linguistica. Budapest, 1964. T. 14, F. 3–4. P. 285–315.
- Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера.* Вып. 1 (А–И) / Под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург, 2004. 142 с. (в тексте – МСФУСЗ).
- Меркурьев И. С.* Живая речь кольских поморов. Мурманск, 1979. 184 с.
- Народы Поволжья и Приуралья.* Коми-зыряне, Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. М., 2000. 579 с.
- Новгородский областной словарь* / Отв. ред. В. П. Строгова. Вып. 1–12. Новгород, 1992–1995 (в тексте – НОС).
- Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук.* СПб., 1852. 275 с. (в тексте – Опыт).
- Погодин А. Л.* Севернорусские словарные заимствования из финского языка // Варшавские университетские известия. 1904. № 4. С. 1–72.
- Полевое лингвогеографическое обследование* автора (в тексте – ПЛГО).
- Подвысоцкий А.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885. 199 с.
- Словарная картотека* пинежских говоров, дар Г. Я. Симиной Словарной картотеке ИРЯЗ (ныне картотека СРНГ, хранящаяся в ИЛИ РАН).
- Словарь вепского языка.* / Сост. М. И. Зайцева, М. И. Муллонен. Л., 1972 (в тексте – СВЯ).
- Словарь говоров Русского Севера* / Под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001–2011. Т. 1–5 (в тексте – СГРС).
- Словарь карельского языка (ливвиковский диалект)* / Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск, 1990. 495 с. (в тексте – СКЯМ).
- Словарь карельского языка (тверские говоры)* / Сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск, 1994. 396 с. (в тексте – СКЯП).
- Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей* / Гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1994–2005. Т. 1–6 (в тексте – СРГК).
- Словарь русских говоров Низовой Печоры* / Под ред. Л. А. Ивашко. СПб., 2003–2005. Т. 1–2 (в тексте – СРГНП).
- Словарь русских говоров Среднего Урала* / Под ред. А. К. Матвеева. Свердловск, 1964–1988. Т. 1–7 (в тексте – СРГСУ).
- Словарь русских народных говоров.* Т. 1–46. М., Л., СПб., 1965–2013 (в тексте – СРНГ).
- Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 1–29. М., 1975–2011 (в тексте – СЛРЯ. XI–XVII вв.).
- Словарь собственно-карельских говоров Карелии* / Сост. В. П. Федотова, Т. П. Бойко. Петрозаводск, 2009. 350 с. (в тексте – ССКГК).
- Словарь церковнославянского и русского языка,* сост. Вторым отд. Акад. наук. СПб., 1847. Т. I–IV (в тексте – Слов. Акад. 1847).
- Сорвачева В. А.* Некоторые фонетические и морфологические особенности верхневашского говора удорского диалекта // Лингвист. сб. Вып. 2. Сыктывкар, 1952.
- Сорвачева В. А., Безносикова Л. М.* Удорский диалект коми языка. М., 1990.
- Ткаченко О. Б.* Мерянский язык. Киев: Наукова Думка, 1985. 207 с.
- Труды Московской диалектологической комиссии.* Вып. 1–6. М., 1908–1917 (в тексте – Тр. МДК).
- Туркин А. И.* Этногенез народа коми по данным топонимии и лексики: Препринт ИЯЛ АН Эстонской ССР. Вып. 31. Таллин, 1985.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М., 1964–1973.
- Федюнева Г. В.* О прибалтийско-финском компоненте в коми языке // Известия Уральского государственного университета. 2008. № 55. С. 172–180.
- Хаузенберг А.-Р.* Рец. на кн.: Bartens R. Permiläisten kielten rakenne ja kehitys. Memoires de la Société Finno-ougrienne. 238. Helsinki, 2000. 376 s. // Linguistica Uralica. 38, № 4. Tallinn, 2002.
- Хаузенберг А.-Р.* К проблеме ареальных инноваций в коми языке // Пермистика - 8: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками. Сыктывкар, 2001.

Хаузенберг А.-Р. Некоторые вопросы истории коми языка в свете теории контактов // В. И. Лыткин и финно-угорский мир. Сыктывкар, 1999.

Хаузенберг А.-Р. О некоторых явлениях конвергентного развития и взаимовлияния языков // К истории малых народностей Европейского Севера СССР. Петрозаводск, 1979.

Цыпанов Е. А. Коми кыв. Самоучитель коми языка. Сыктывкар, 1992. 288 с.

Эдельман Д. И. Иранские и славянские языки. Исторические отношения. М., 2002. 230 с.

Ярославский областной словарь. Вып. 1–10. Ярославль, 1981–1991 (в тексте – ЯОС).

Гринченко Б. Д. Словарь української мови. Киев, 1907–1909. Т. I–IV.

Етимологічний словник української мови. Київ, 1982–2012. Т. 1–6 (в тексте – ЭСУМ).

Этымалагічны слоўнік баларускай мовы. Мінск, 1978–2010. Т. 1–13 (в тексте – ЭСБМ).

Bartens R. Permiläisten kielten rakenne ja kehitys // Memoires de la Société Finno-ougrienne. 238. Helsinki, 2000.

Collinder B. Fenno-Ugric Vocabulary. An Etymological Dictionary of the Uralic Languages. Uppsala, 1955.

Etymologisk ordbog over det norske og det danske sprog. Oslo, 1999. 1089 s. (в тексте – EOND).

Hausenberg A.-R. Die ostseefinnisch-permischen Kontaktwörter in Zeit und Raum // Eesti NSV Teaduste akademia: Preprint KKI-30. Tallinn, 1985.

Hausenberg A.-R. Onko komin ja itämerensuomalaisissa kielissä areaalisia yhteispiirteitä // Congr. Octavus Internat Fenno-Ugristarum VIII. Jyväskylä, 1995. P. 4.

Hausenberg A.-R. Probleme der ostseefinnisch-permischen Sprachkontakte // Eesti NSV Teaduste akademia: Preprint KKI-23. Tallinn, 1983.

Itkonen T. I. Lappische Lehnwörter im Russischen // STT. B. XXVII, Helsinki, 1932. S. 45–65.

Itkonen T. I. Koltan ja kuolanlapin sanakirja. O. 1–2 // LSFU, XV. Helsinki, 1958. Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsingfors, 1915.

Karjalan kielen sanakirja. O. 1–5 // LSFU, XVI, 1–5. Helsinki, 1968–1997 (в тексте – KKS).

Lidén E. Germanische Lehnwörter im Finnischen und Lappischen // FUF. B. 1911. H. 1-2. S. 123–138.

Rédei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. B.I. Uralische und finnisch-ugrische Schicht. Bd. 2. Finnisch-permische und finnisch-wolgaische Schicht. Ugrische Schicht. Budapest, 1988.

Sebestyén I. Fák és fás helyek régi nevel az uráli nyelvverkbén // Finnugor értekezések, 7. Budapest, 1943.

Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. 1–7. Helsinki, 1955–1981 (в тексте – SKES).

Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. O. 1–3. Helsinki, 1992–2000 (в тексте – SSAP).

Uotila T. E. Huomautuksia syrjäänin itämerensuomalaisista lainasanoista // Virittäjä. 1936. S. 199–207.

Uotila T. E. Syrjänische Chrestomatie mit grammatischem und etymologischem Wörterverzeichnis. Helsinki, 1938.

Wichmann Y. Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen. MSFO, 21. Helsingfors, 1903.

Wichmann Y. Syrjäanit ja karjalaiset // Valvoja. 1920. 40. S. 4–9.

Wichman Y., Uotila T. E. Syrjänischer Wortschatz // SFU. VII. Helsinki, 1942. 487 s.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Мызников Сергей Алексеевич

зав. словарным отделом, д. фил. н.
Институт лингвистических исследований РАН
Тучков пер., д. 9, Санкт-Петербург, Россия, 199053
эл. почта: myznikovs@rambler.ru
тел.: (812) 3281611

Myznikov, Sergey

Institute for Linguistic Studies,
Russian Academy of Sciences
9 Tuchkov St., 199053 St. Petersburg, Russia
e-mail: myznikovs@rambler.ru
tel.: (812) 3281611